

«Братья Дюваль»: швейцарские ювелиры в России. Часть II. Женевское приключение Ореста Кипренского | «Frères Duval» : les joailliers suisses en Russie. 2ème partie. Une aventure genevoise d'Orest Kiprenski

Автор: Наталья Беглова, Женева - Санкт-Петербург, 20. 04. 2016.

Поместье Дювалей в Картины (фотография автора)(© N. Beglova/Nashagazeta.ch)

Мы продолжаем рассказ об удивительных переплетениях судеб. В центре сегодняшней истории – живописец, чей портрет Пушкина украшал многочисленные издания советских учебников по литературе.

|

Nous continuons le récit sur les connections incroyable des destins. Au coeur d'histoire d'aujourd'hui se trouve le peintre russe dont le portrait de Pouchkine a fait la couverture du manuel de littérature dans les écoles soviétiques.

После отъезда Якова Дюваля семейное дело возглавили два брата, оставшиеся в России – Луи-Этьен-Жан-Франсуа и Жан-Франсуа-Андре. Первый из них не долго оставался в Санкт-Петербурге: он рано женился на дочери еще одного петербургского ювелира, Франсуа Сегена, быстро стал главой многодетного семейства и в 1814 году вернулся с ним в Женеву. Так что де факто практически сразу после отъезда отца бразды правления ювелирным домом «Братья Дюваль» взял на себя Жан-Франсуа-Андре Дюваль, родившийся в Петербурге в 1776 году. В историю ювелирного дома Дювалей он вошел под именем Франсуа. Это был человек, талантливый во многих отношениях. Не удивительно, что и среди его петербургских знакомых преобладали люди незаурядные. Одним из ближайших друзей Франсуа был Григорий Иванович Вилламов. О способностях этого человека говорит, например, такой факт: однажды он на пари одновременно писал деловое письмо на русском языке, беседовал с собеседником на немецком и при этом умудрился еще петь арию на итальянском. Вилламов оставил записи, которые свидетельствуют о том, что Франсуа Дюваль был вхож в императорскую семью, члены которой относились к нему с большим уважением.

Франсуа Дюваль сам неплохо рисовал, но прежде всего он был большим ценителем искусства. Его по праву считали одним из лучших знатоков европейской живописи, а собранная им коллекция выгодно выделялась на фоне других частных собраний в столице. Там были полотна Рембрандта, Тенирса, Гверчино, однако главным сокровищем признавалась не картина, а скульптурная группа «Фавны», найденная в 1784 году при раскопках на вилле Адриана в Риме. Известно, что король Баварии предлагал Дювалю за «Фавнов» огромную по тем временам сумму – четыре тысячи голландских червонцев.

В 1816 году Франсуа Дюваль, как и старшие братья до него, покинул Санкт-Петербург и вернулся на родину. До отъезда он продал значительную часть своей прекрасной коллекции, но не захотел расстаться с произведениями швейцарских художников.

Интересна история его возвращения в Женеву. Так получилось, что его попутчиком оказался Орест Кипренский, тогда еще совсем молодой, но уже прославленный русский художник, направлявшийся в Италию для трехгодичной стажировки. Для Кипренского то путешествие оказалось познавательным и интересным, о чем он писал своему другу А.Н. Оленину: «мне с г-м Дювалем было весьма приятно сие путешествие, ибо во многом мы были согласных мнений». Однако это приятное путешествие едва не закончилось трагически. Карета, в которой они путешествовали, опрокинулась. Слугам пришлось идти за подмогой, а Кипренский и Дюваль провели несколько ночных часов в полном неведении. Вот как сам Кипренский описывает это досадное приключение: «на дороге среди темной ночи» путешественники «вооружились терпением и храбростью, обнажили сабли, стучали и гремели оными, давая тем чувствовать окрестностям, что вооруженные суть на страже колесницы. Никакой змий, никакое чудовище и ни один волшебник не дерзнули к нам явиться на сражение; един токмо дождь – нас дурачил без пощады, лил ливнем. Герои вымокли, прозябли и притом дождались целых три часа, покуда набрали двенадцать человек, кои насилу пришли и насилу! Насилу! Подняли коляску!

она потерпела; но колесам ничего не сделалась, следовательно мы немедленно отправились далее».

Дюваль отделался легким испугом, а Кипренский сильно повредил глаз. В итоге он был вынужден провести в Женеве, в замке Картины, почти три месяца, приняв приглашение Якова Дюваля, которого в Швейцарии величали, естественно, Жакоб. Вот как Кипренский сообщает об этом тому же Оленину: «В Женеве я был принужден оставаться почти три месяца для излечения глаза, ушибленного под Касселем; там написал портрет славного Дюмона, которого представил ораторствующим, как обыкновенно женевцы привыкли видеть его в Совете, вдали изобразил снежные горы Альп; притом еще несколько портретов фамилии г-на Дюваля написал и нарисовал: все сие было выставлено в Экспозиции в Женеве».

Тут требуется еще одно небольшое отступление, чтобы пояснить, кто такой Этьен Дюмон (Etienne Dumont). Это был известный женеvский философ и публицист, его имя носит одна из улиц в Старом городе. Этьен Дюмон активно участвовал в политической жизни города, придерживался демократических взглядов и боролся против засилья в Городском совете Женеvы ортодоксальных консервативных традиций. Когда в 1784 году в Городском совете взяла верх аристократическая партия, он был вынужден бежать и отправился ... в Петербург, где жила его мать и три сестры. Удивительный факт: все сестры были замужем за швейцарскими ювелирами. Одна за уже упоминавшимся Жан-Пьером Адором, вторая – за Франсуа Сегена, а третья вышла замуж за Луи-Давида Дюваля. Так что для Этьена Дюмона дом Дювалей стал родным. Семейство Дюваль в силу своих связей и влияния смогло оказать молодому человеку значительную помощь. Этьен Дюмон быстро приобрел известность в Петербурге как проповедник. Он пробыл в городе на Неве чуть больше года и уехал из него в сентябре 1786-го, причем не по своей воле. По рассказам современников, причиной его отъезда была проповедь об эгоизме, в которой он позволил себе намеки не только на всесильного фаворита Елизаветы, князя Потемкина, но, якобы, и на саму императрицу.

Вернувшись в Женеvу, Этьен Дюмон продолжал поддерживать с семьей Дювалей тесные отношения. Этим и объясняется тот факт, что Кипренский, живший в поместье Дювалей, встретил его там. В 1803 году Дюмон вновь окажется в России и позднее опубликует дневник о своем пребывании в этой стране.

Но вернемся, однако, к письмам Кипренского, оказавшегося в Женеvе, где его радушно принял Жакоб-Давид Дюваль. Вот как описывает он свое пребывание в гостях у бывшего ювелира Двора Ее Величества: «Господин Дюваль живет прекрасно, дом у него в Женеvе славный, притом хороший кабинет картин; дача в девяти верстах от города в Картини преславная, я часто любовался на пастве стадами его. Опытность людей научает вести дом наилучшим образом. За быстрой рекою Роны, между гор Салев и Жюра, отсюда видна граница Франции. После работы в хорошую погоду я прохаживался по крутому берегу Роны и отдыхал под величайшею липою, которую посадил честный Сюллей».

Доменико Босси. Портрет Франсуа Дюваля. 1806.

Только ли из-за поврежденного глаза оставался Кипренский так долго в Женеvе? Есть основания полагать, что пребывание в ней ему было и приятно, и полезно, тем более, что пораненный глаз, как явствует из предыдущего отрывка, не мешал ему работать. Написанные им за это время портреты Жакоба-Давида Дюваля и Этьена Дюмона были позднее переданы в дар Публичной библиотеке Женеvы, там их можно увидеть и сейчас. Еще несколько работ Кипренского были обнаружены не так давно искусствоведом Евгенией Петровой в Женеvе, в доме одного из потомков Дювалей.

Работы Ореста Кипренского были по достоинству оценены женеvскими любителями живописи. Об этом Кипренский также сообщает Оленину: «...все сие было выставлено в Экспозиции в Женеvе. Здесь весьма лестно, да и везде приятно заслуживать доброе имя. Мы, Ваше Превосходительство, третьего дня оттуда получили весьма приятное известие; а именно: Канова, Жерард и Ваш покорнейший слуга провозглашены членами Общества любителей искусства в Женеvе».

До недавнего времени искусствоведы не были уверены в точности информации, сообщаемой Кипренским, ведь он был известен своей привычкой иногда прихвастнуть, приукрасить действительность. Но не так давно в архивах Публичной библиотеки Женеvы российским искусствоведом был найден документ, подтверждающий приведенный факт. В протоколе

заседания Общества изящных искусств Женева от 11 марта 1817 года записано следующее:

«Г-н Кипренский, русский художник, предложен и поименован Почетным членом.

<>Г-н Топффер предлагает принять в Почетные члены Общества искусства живущего ныне в Риме художника Академии Кипренского, таланты которого доказывают, что он достоин сей чести. Одобрив указанное предложение, решили представить его Обществу, напоминая оному о тех произведениях, которые он исполнил в Картины, у г-на дю Валя, представившего их на нашу последнюю выставку».

Стоит обратить внимание на фамилию того, кто представил членам общества Кипренского: Вольфганг-Адам Топффер (Wolfgang-Adam Törpfer). Возможно, не все знают этого прекрасного швейцарского художника, именем которого названа в Женеве улица близ Русской церкви. Влиятельный член Общества Искусств, Топффер принимал активное участие в женевской культурной жизни. Но для нас сейчас интересно не его творчество, а одна деталь его

биографии. Дело в том, что в 1821 году Франсуа Дюваль женился на его дочери Нинетте.

Франсуа Дюваль владел имением Морийон (le domaine de Morillon), которое более чем сто лет спустя войдет в состав территории, переданной Лиге Наций. Единственное, что напоминает сегодня об этом – это название улицы, проходящей неподалеку от нынешнего здания Международной Организации Труда. Топффер бывал частым гостем в доме своего зятя, где, очевидно, и познакомился с Кипренским.

У Вольфганга-Адама Топффера был сын Рудольф, который также увлекался живописью. В то время он постоянно бывал у Дювалей в Картины. Рудольф, которому тогда было семнадцать лет, восхищался Кипренским и внимательно изучал его творческую манеру. Усвоил он ее настолько хорошо, что сейчас искусствоведы, например, не уверены в том, чей рисунок «Игроки в вист»? Его традиционно приписывали Кипренскому, но недавно было высказано предположение, что это рисунок Рудольфа Топффера, который впоследствии, впрочем, посвятил себя не живописи, а литературному творчеству.

Франсуа Дюваль, один из самых талантливых представителей рода швейцарских ювелиров, всю жизнь продолжал активно интересоваться искусством, стал видным меценатом, поддерживавшим многих талантливых молодых художников. Одним из них был Александр Калам, прославивший впоследствии швейцарскую школу живописи.

Орест Кипренский. Автопортрет, 1828.

Добавить комментарий

Пожалуйста, [войдите](#) или [зарегистрируйтесь](#) , чтобы отправить комментарий
